

Вечер обманутых надежд

Булгаков и... Высоцкий. Что может быть общего между глубоким мыслителем-драматургом, романтиком и ироничным бардом — ну и миром молодежи? Можно ли объединить в одном концертном вечере притчи об арамейском пророке Иешуа, написанные Булгаковым в виде сновозного действия романа «Мастер и Маргарита», и веселые, с изрядной долей аттической соли баллады поэта и актера, чье имя связано с возрождением городского романа?

Актер МХАТа Георгий Епифанцев считает, что это вполне возможно, выходя на встречу с челябинской публикой, до отказа заполнившей зал филармонии, — не часто так бывает на чтецких концертах.

Будучи одноклассником Владимира Высоцкого по театральной студии, актер в свое время дебютировал и в роли драматурга, осуществив на сцене версии по роману Булгакова «Мастер и Маргарита». Видимо, эти обстоятельства и побудили Епифанцева поискать

что-то общее у двух таких разных людей.

И зрителям сообщают: «...Оригинальный дворец их творчества сверкает наружу (?), то есть снаружи...».

Как сверкает «дворец Булгакова», актер приглашает изобразить своего коллегу Романа Козана, тоже выпускника мхатовской студии. И через прижатый ко рту микрофон актеры быстро «прокручивают» отрывок из «Мастера и Маргариты». Несыразительное произношение, развязность создают впечатление, что они скорее пародируют Булгакова.

Возможно, Епифанцев действительно сделал удачную инсценировку на сцене МХАТа, но то, что промелькнуло мимоходом на сцене в Челябинске, — скорее антибулгаковщина, чем трепетная, полная любви и преклонения перед большим мастером исповедь...

Вторая часть искусственно созданного спектакля-концерта

ближе по духу Епифанцеву: он сообщает, что не только учился вместе с Высоцким, но и наблюдал, как рождались его первые строчки, был рядом с ним, когда на первых мажорных нотах появлялись прообразы будущих баллад. Зрители не сразу понимают антерсный ход: заработать симпатии на чужой славе, убедить в достоверности открываемых «истин» и оценок? Но дальнейшее не убеждает. Например, Епифанцев говорит, что песни Высоцкого рождены «тоской по человеческой интонации» — и, словно в контраст ему, открыленно и торжествующе звучит баллада «О нестрелявшем» — ступает отнюдь не бытовой и умильной интонации, а синтез осмысления очень непростых лет нашей жизни.

И так всю вторую часть вечера: окрыленный голос поэта — и неубедительный комментарий ведущего, где спутано бытовое с общезначимым.

Хорошо известно, что слава Высоцкого — явление чрезвычайно сложное. Эксплуатировать эту славу сегодня — это значит дать свой обра-

зец прочтения, толкования, раскрыть, наконец, новые грани таланта поэта.

Епифанцев не пошел по этому пути. Все его магнитофонные записи Высоцкого хорошо известны публике, а вялое прочтение Козаном посмертных стихов памяти поэта ничего не добавляет слушателям.

Возникает ощущение досады, словно подали остывший обед, и только голос самого поэта — протестующий и темпераментный — остается в памяти после концерта.

Размышляя о таком «концерте», приходишь к выводу, что в Московской концертной организации мало представляют себе масштабы и уровень культуры «просинциальных» городов России, острую потребность в философской подготовке тех, кто выходит на подмостки филармонии перед сегодняшней молодежью. Жаль, ибо и в нашем крае умеют отличить позанное от настоящего, торопливую тиражную подделку — от осмысленного творчества.

К. ШИШОВ.

Челябинский рабочий
г. Челябинск

5 2 СЕН 1984